

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ЮЛИЯ
АДЕЙНИКОВА

ДО ПОСЛЕДНЕГО
УДАРА СЕРДЦА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«Дом книги» (2007 г.) художника *Олега Ильдюкова*

Алейникова, Юлия.

А45 До последнего удара сердца / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-098482-4

К известной тележурналистке Евгении Потаповой обращаются за помощью родители арестованной по обвинению в убийстве своего мужа Марины Кольцовой. Все, считая ее адвоката, уверены: убийца она. Женя загорается идеей доказать невиновность девушки. Со свойственной ей энергией она берется за дело. Оказывается, покойный Сергей был весьма влиятельным и состоятельным человеком. Владелец собственной клиники пластической хирургии, генеральный директор и совладелец крупного фармацевтического концерна. Из близких родственников, кроме жены, у него осталась лишь единственная тетушка, которая все никак не могла оправиться после смерти мужа и сына. Парень умер в московской больнице во время операции по пересадке почки, и Женя уверена, что эта смерть напрямую связана с убийством бизнесмена Кольцова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2018 г.
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098482-4

Глава 1

Это произошло случайно. Илья в тот день возвращался с тренировки и увидел в дверях соседской квартиры торчащую из замка связку ключей. Илья ключи вынул, позвонил в дверь, никто не вышел, тогда он приоткрыл ее, заглянул в прихожую и погромче окликнул хозяев. Из глубины квартиры доносился плач. Громкий и горький.

Илья нерешительно потоптался возле двери, но потом все же скинул кроссовки и побрел в комнату. На диване, скрючившись и подогнув под себя ноги, сидела хозяйка квартиры Марина и безутешно рыдала. Видимо, она недавно вернулась с работы и еще не успела переодеться. Ее белая рабочая блузка валялась на полу возле дивана, а сама она сидела в юбке и бюстгальтере, босая, и плакала.

Илья женских слез не выносил. Жил он большую часть сознательной жизни с мамой и бабушкой. Никто в их квартире не скандалил и не ревел. Но в детстве, когда родители еще не развелись, отец часто обижал маму, и та плакала, и Илья, совсем еще маленький мальчик, запомнил мамины слезы на всю жизнь. Потому он, наверное, и с отцом не хотел общаться. Категорически.

И вот сейчас, глядя на плачущую Марину, Илья почувствовал, как в нем поднимается волна пронзительной жалости. Ему хотелось сделать для нее что-то хорошее, но он не знал что. А потому просто сел рядом и стал гладить ее по голове, по плечу. Марина

заметила его не сразу, но потом громко всхлипнула, взглянула на него сквозь слезы и, уткнувшись ему в шею, заплакала еще громче. А он продолжал ее молча гладить. Марина говорила сквозь слезы о том, что ее бросил муж, о том, как она без него несчастна и одинока, спрашивала, за что он так с ней, ведь она его любит, и все было хорошо, а Илья все сидел и гладил ее, не говоря ни слова. А потом Марина, продолжая плакать и задыхаться, поцеловала его в щеку. Потом в шею, потом в губы. Это было невероятно. Конечно, Илья уже целовался с девчонками. Но это было не то. Марина была взрослой, опытной женщиной, и поцелуй ее был особенным. Потом они оба сползли с дивана, и Марина, продолжая целовать его, стянула с Ильи свитер и футболку и стала снимать джинсы. Илья вытянулся в струнку и замер, боясь дышать, боясь, что все испортит, что она передумает, что у него ничего не получится. Но все получилось.

Следующие несколько дней Илья искал предлоги, чтобы зайти к ней, и она пускала его, и все происходило. А потом он стал просто приходить к ней. Помогал мыть посуду, готовить ужин, разговаривал с ней как с другом, но после это обязательно происходило.

А потом Марина вдруг стала его избегать. Она то ссылалась на головную боль, то на усталость, то к ней подруга должна была зайти. Илья мучился. Страдал. Не мог понять, что происходит, или боялся понять. Он стал следить за ней. На каждый шорох с лестничной клетки кидался к дверному глазку проверить, вдруг к Марине пришел какой-то мужик, следил из окна, как она уходит на работу и приходит домой. А потом не выдержал. Он дождался, когда она вернулась с работы, и пошел выяснять отношения. Марина долго не открывала, но он все звонил и звонил. Наконец она открыла.

— Марина, что происходит? Почему ты от меня прячешься? Я тебя обидел? — срывающимся от вол-

нения несолидным, по-мальчишески тонким голо- сом спросил он.

Когда Илья шел к ней, он хотел потребовать от нее объяснений, жестко, как настоящий мужик, а получилось какое-то невнятное жалкое бляение.

Он смотрел на нее жалобным, просящим взглядом и, к своему ужасу, чувствовал, что вот-вот заплачет.

Марина погладила его по щеке, завела за руку в квартиру и усадила на стул в прихожей.

— Илья, ты уже взрослый парень и должен понимать, что мы не можем встречаться, — ласково проговорила она, потрепав его по макушке как маленького.

Это было оскорбительно. Он был уже совсем взрослый, он был выше ее на целую голову, он был мужчиной! А она...

— Пойми. То, что произошло между нами, очень плохо. — Видя, что он собирается возразить ей, она заговорила быстрее и громче. — Я тогда проявила слабость. Мне было плохо, тошно, одиноко. Мне так хотелось, чтобы кто-то пожалел, приласкал, согрел меня. Но это было неправильно. Во-первых, потому, что мне тридцать, а тебе шестнадцать.

— С половиной, — отчаянно вставил Илья.

— И меня вообще могут посадить за соращение несовершеннолетнего, — строго, но с едва уловимым оттенком горькой иронии проговорила Марина. — Во-вторых, плохо, потому что я не люблю тебя. Во всяком случае, люблю не как мужчину, а как друга. И в-третьих, тебе тоже не нужны эти отношения. Начни встречаться с ровесницами. И не сердись на меня.

Илья вышел из ее квартиры с разбитым сердцем. Он пришел домой, сел за свой стол, обхватил голову руками и приготовился страдать. Но на душе было отчего-то удивительно спокойно. Он посидел немного, потом подтянул к себе английский и стал заниматься. За то время, что он караулил Марину, бегая

от окна к дверному глазку, у него накопилось немало хвостов, и их надо было подтягивать.

Постепенно все успокоилось и забылось. Правда, Илья теперь стал другим, более уверенным, взрослым. И с девчонками у него отношения стали иными. Раньше он даже не мог мечтать о том, чтобы встретиться с Лерой из параллельного класса, а тут вдруг ни с того ни с сего подошел к ней на перемене, поболтал пару минут и пригласил на свидание. И она согласилась. Да еще и покраснела, то ли от удовольствия, то ли от смущения. А Илья про себя только усмехнулся такой реакции.

А еще через несколько дней он возвращался из школы домой и увидел, что дверь Мариной квартиры не закрыта. Отчего-то ему стало не по себе. Звонить в открытую дверь Илье показалось глупым, и он просто стукнул пару раз, а потом вошел и повзрослому, насмешливым громким голосом окликнул: «Эй! Есть кто дома?» На его голос из комнаты выглянула вовсе не Марина, а незнакомый хмурый мужчина в темном костюме. И Илья по-настоящему заволновался.

— А Марина дома? — спросил он напряженным голосом, стараясь понять, что здесь происходит.

— Илья? — услышал он оклик из комнаты и мимо незнакомого мужика рванул на голос.

Марина снова сидела на диване. Совершенно одетая. Рядом с ней в кресле сидел еще один незнакомый, строгий мужик, а у окна стоял, глядя на улицу, третий.

— Что случилось? — тревожно спросил Илья, глядя только на Марину.

— Меня обвиняют в убийстве Сергея, — неживым, тихим голосом ответила она, глядя на него испуганными, жалкими глазами.

— Какого Сергея? — растерялся от такого дикого заявления Илья.

— Моего бывшего мужа.

— Что за ерунда такая?! — возмутился Илья абсурдности заявления.

— Илья, пожалуйста, позвони моим родителям, пусть они наймут адвоката, пожалуйста! — торопливо заговорила Марина. Потом вскочила и бросилась в прихожую, один их гостей отправился следом. — Вот, тут их телефоны, и еще ключи возьми от моей квартиры, цветы поливать. — Марина суетилась, торопилась, голос ее дрожал, и Илья, чтобы как-то успокоить ее, так же торопливо обещал ей все делать. Сразу же позвонить и еще что-то говорил успокоительное. А потом ее увезли. А он побежал звонить ее родным.

Илья по привычке поднимался к себе на пятый этаж пешком, потому, наверное, и разминулся с этой девицей. А может, уже и женщиной, он пока плохо в таких вещах разбирался.

Девица была небольшого роста, худенькая, в джинсах и с короткой, как у мальчика, стрижкой. Она вышла из лифта на пятом этаже, как раз когда Илья был на середине лестничного пролета, и не спеша осматривала двери находящихся на лестничной площадке квартир.

— Здравствуйте, ищите кого-то? — проявил похвальную, взрослую бдительность Илья, подходя к незнакомке и нависая над ней всем корпусом. Все же сто восемьдесят восемь сантиметров — это вам не фунт изюму, да плюс еще прокачанный на тренировках торс, широкие плечи и кубики на животе. Илья своей внешностью был страшно доволен, не всем повезло, как ему. В их классе большинство мальчишек едва сто семьдесят пять натянули.

— Вы Илья? — обернувшись к нему и мельком окинув цепким взглядом, спросила девица.

— Да.

— Меня зовут Евгения Потапова, — протягивая

растерявшемуся парню руку, представилась девица. — Я работаю на Петербургском телевидении, занимаюсь журналистскими расследованиями. Вот моя визитка. — И девица выудила из сумки маленький глянцевый картонный прямоугольничек.

Илья мельком взглянул на него и сунул в карман.

— Я хочу с вами побеседовать о вашей соседке, Марине Кольцовой.

— А почему со мной? А что о ней говорить? — Илья сразу же напрягся. Девица наверняка была из тех журналисток, что раскапывают мелкие сюжеты для криминальных новостей, а ему очень не хотелось, чтобы Маринино имя марали по телику. — Я вообще ничего не знаю. — И он резко развернулся к своей двери, раздумывая, не припугнуть ли нахалку полицией. Была бы она парнем, возможно, он бы его тряхнул разок, чтобы забыл о Марине и больше нос не совал в чужую жизнь.

— Ко мне обратились ее родители, — проговорила ему в спину журналистка. — В полиции считают, что это Марина убила своего мужа, и не хотят ничего расследовать, и тогда родители позвонили к нам на канал и попросили помочь. Они сказали, Марину арестовывали при вас, и это вы позвонили им и попросили нанять адвоката.

Илья обернулся и внимательно взглянул на девицу. Была она какая-то мелкая, несерьезная, кто такой поручит важное дело? Тоже мне, «человек и закон». Врет все, наверное.

— Я сперва Марининым родителям позвоню, а потом, если это правда, мы поговорим, — нахмурив строго брови, грозно произнес Илья и открыл дверь квартиры. — А вы здесь подождите.

Девица только усмехнулась.

Едва войдя в квартиру, Илья тут же кинулся разыскивать бумажку с номером Марининых родителей. Кажется, он ее бросил возле телефона. Только бы ба-

бушка не выкинула в помойку. К счастью, бумажка нашлась.

— Галина Тимофеевна? Это Илья, сосед Марины беспокоит, — забыв поздороваться, заторопился Илья. — Ко мне какая-то журналистка с телевидения пришла, говорит, что вы просили ее заняться расследованием, чтобы Марину выпустили.

— Здравствуйте, Илья, вы простите нас, пожалуйста, мы хотели вас предупредить, но у нас вашего телефона не было, — мягким, несчастным голосом проговорила Маринина мама. — Мы действительно от отчаяния на телевидение обратились. Есть такая передача «Журналистские расследования Евгении Потаповой»¹, нам знакомые посоветовали, вы уж поговорите с корреспондентами, вдруг им удастся Марине помочь. — На этих словах голос Галины Тимофеевны сорвался, и Илья тут же торопливо, согласно кивнул.

— Конечно, конечно, вы не волнуйтесь, я только проверить хотел, что это не желтая пресса, — постарался успокоить ее Илья. — Я все расскажу. — И он, повесив трубку, распахнул перед журналисткой дверь. — Входите.

Женя стояла на лестнице и ждала. Ждала, когда этот симпатичный, такой серьезный и взрослый паренек наведет о ней справки. А на улице шелестела свежая майская зелень, слепило весеннее солнце, была пятница, и можно было бы поехать с родителями на дачу. Сейчас половина четвертого, и если она управится за полчаса, то еще до пробок прорвется на Васильевский, соберет быстренько сумку и, захватив по пути родителей, успеет проскочить мосты и вые-

¹ История авторской программы описана в книге Юлии Алейниковой «Кара Божия».

хоть на ЗСД. Впрочем, не успеет. Сегодня все захотят освободиться с работы пораньше. Так что можно не торопиться, а наоборот, переждать и поехать попоже, размышляла Женя, прислонившись к перилам.

Марина Кольцова. Красивое имя. Не то что Женя Потапова. Это дело об убийстве свалилось на нее позавчера. Им в редакцию позвонила женщина и, едва сдерживая волнение, сообщила, что ее дочь обвиняют в убийстве бывшего мужа. Полиция нашла козла отпущения и ничего не собирается расследовать. Защита граждан от произвола была коньком Жениной авторской программы. Неважно, чей это был произвол, полиции, недобросовестных медиков или работников ЖЭСа. Первый эфир ее авторской программы прошел еще в ноябре, с тех пор передач вышло уже пять и все прошли с неменьшим успехом. Женя стала узнаваемой личностью, ее несколько раз приглашали на другие каналы и в другие передачи в качестве гостя. Сейчас она искала материал для очередного эфира, и история Марины Кольцовой была не единственной из тех, что она сейчас рассматривала, но, возможно, наиболее значимой. С этим предстояло еще разобраться.

— Извините, я позвонил Марининым родителям, они мне все объяснили, — возникая на пороге собственной квартиры, проговорил парнишка, Илья, кажется.

— Ничего, правильно сделал, что сперва все проверил, мало ли кем я могла оказаться, — дружелюбно улыбнулась Марина.

— Проходите, пожалуйста. Я сейчас один, можем спокойно поговорить, — посторонился Илья.

— Вообще-то я хотела бы осмотреть Маринину квартиру, ее родители сказали, что у вас есть ключи.

Они вошли в большую, светлую прихожую, одну стену которой занимал огромный, под потолок, шкаф-купе. Пол был выложен темно-коричневым

полированным мрамором, а стены оклеены бежевыми с тонким золотым орнаментом обоями.

— Неплохая квартирка, — негромко заметила Женя. — А твои соседи давно тут живут?

Вопрос был не праздный, так же как и Женин визит в квартиру арестованной женщины. Марина сидела в тюрьме, или как там это называется, когда человека еще не осудили? Ее муж был мертв, а квартира давала Жене возможность составить себе хоть какое-то мнение об этих людях.

— Давно. Лет пять, наверное, — почесал задумчиво коротко стриженную макушку Илья.

— Это недолго, — назидательно проговорила Женя. — А ты хорошо их знал? — проходя в кухню и осматривая дорогую итальянскую мебель, продолжала расспрашивать Женя.

— Нет. Только Марину, — отчего-то краснея, проговорил паренек и добавил: — Мы с ней дружили.

Ясненько, был влюблен, отметила для себя Женя, пытаюсь вспомнить, сколько Марине лет. Кажется, это ей не сообщили.

— А сколько Марине лет? — спросила Женя, направляясь в комнаты.

— Не знаю. Наверное, тридцать, — пожал плечами Илья.

— Да? И как вы дружили? — словно рассеянно продолжала спрашивать Женя, осматривая безделушки в гостиной.

— В каком смысле? — тут же ошетинился Илья.

— В обыкновенном. Вы же не ровесники, — пожал плечами журналистка, оглядываясь на своего сопровождающего.

— Ну, ей было плохо после развода, я ее поддерживал. Посуду мыл, разговаривал, — пробубнил Илья, успокаиваясь.

— И долго ты ее поддерживал? — перешла в темную из-за зашторенных окон спальню Женя.

— Да нет. Пару недель. А потом ей стало лучше, и мы так часто уже не виделись.

— Ясно. А потом ее арестовали?

— Ну, да. Я из школы шел. Смотрю, у нее дверь приоткрыта. У них такой замок дурацкий, сам не хлопывается, закрывать надо. Я заглянул, окликнул Марину, а там полиция. Ее арестовали, а я пошел родителям Марининым звонить, — пояснил, тяжело вздохнув, Илья.

— А какой у нее вид был, когда ее арестовывали? — оборачиваясь к нему и внимательно за ним наблюдая, спросила Женя.

— Да какой может быть вид? На ней лица не было! Как будто ее пыльным мешком по голове треснули! Да она еле держалась, чтобы не заплакать! Вас бы в убийстве обвинили и в тюрьму вести собрались, как бы вы себя чувствовали? — с трудом сдерживая рвущиеся из груди эмоции, проговорил Илья.

— Действительно, — кивнула Женя. — Значит, ты думаешь, что это не она мужа убила?

— Конечно, нет! Зачем ей это? — засунув руки в карманы джинсов, набычившись, спросил Илья, тут же записавший Женю во враги.

— Понятия не имею. Я просто спрашиваю, — пояснила журналистка. — Ты пойми, я не знаю ни Марину, ни ее мужа и просто пытаюсь понять, что случилось. Надо же мне с чего-то начинать? Кстати, ты не знаешь, где у них фотографии хранятся? Хоть посмотреть, как Кольцовы выглядят.

Фотографии они нашли. Марина была симпатичной стройной шатенкой, довольно заурядной наружности, но очень приятной, с милым, открытым лицом. В ее муже сразу же угадывался важный начальник. Уверенный взгляд, грудь колесом, этакая вальяжность в позах. И было заметно, что он ее старше. Хотя, возможно, и ненамного. Лет на шесть-семь или на восемь.

— Можно я возьму эту фотку? — спросила Женя, выбрав ту, на которой супруги стояли в полный рост на фоне какого-то памятника.

— Не знаю, наверное, — с сомнением проговорил Илья.

— Мне для дела. Если хочешь, позвони Марининым родителям.

Глава 2

Женя сидела в своем кабинете, так называл выделенную ей крохотную каморку с окном их главред Тенгиз Карпович Трупп, славный потомок кавказско-украинско-арийских предков, и размышляла.

История Марины Кольцовой ее не вдохновляла. Женя пообщалась с ее родителями, которые, естественно, свято верили в невиновность единственной дочери, побывала у Марины дома, пообщалась с коллегами в небольшой фирме, занимавшейся техническими переводами, где арестованная трудилась, и не услышала ничего вдохновляющего. На ее, Женин взгляд, Марина вполне могла убить мужа. Почему? Точнее, за что? Причин может быть множество. Но достаточно и того, что он был богат, а она нет. И вполне возможно, он собирался при разводе оставить ее ни с чем. Довод по нашим временам вполне весомый для того, чтобы прикончить бывшего супруга.

Прокручивая раз за разом эту историю с одним и тем же выводом, Женя, скорее всего, давно бы ее забросила, но вот беда, все прочие имеющиеся в наличии варианты были еще скучнее и тривиальнее.

Борьба жильцов многоквартирного дома с сотрудниками ЖЭСа по поводу слабого напора воды в трубах. Неработающий в многоэтажке лифт. Стихийная свалка на границе садоводства. Стая бездомных со-